

ДЖОН
УОРД

БРИТАНСКАЯ ВОЕННАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В СИБИРЬ

ВОСПОМИНАНИЯ КОМАНДИРА БАТАЛЬОНА
«НЕСГИБАЕМЫХ», ОТПРАВЛЕННОГО
В ПОДДЕРЖКУ КОЛЧАКА

1918—1919

Джон Уорд
Британская военная
экспедиция в Сибирь.
Воспоминания командира
батальона «Несгибаемых»,
отправленного в поддержку
Колчака. 1918—1919

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56066664

Британская военная экспедиция в Сибирь. Воспоминания командира батальона «Несгибаемых», отправленного в поддержку Колчака. 1918—1919 / Уорд Джон, Пер. с англ. Л.А. Игоревского: Центрполиграф;

Москва; 2020

ISBN 978-5-9524-5434-7

Аннотация

Полковник Джон Уорд – известный английский политик и офицер британской армии, командир передового батальона, ставшего известным под именем «Несгибаемые», был направлен на Дальний Восток, а затем в Сибирь для поддержки войск адмирала Колчака во время Гражданской войны в России против

сил большевиков. Первоначально батальон предназначался только для гарнизонной службы, но вскоре оказался вовлеченным в боевые действия в суровых условиях сибирской зимы. Уорд описывает путь батальона из Владивостока в Никольск и несколько боевых операций, в которых он принимал участие. Особое внимание автор уделяет на противодействие японцев, с которым ему и его солдатам пришлось столкнуться в Сибири.

Мемуары Уорда интересны тем, что представляют собой свидетельства очевидца военных действий на Дальнем Востоке и в Сибири, а также точку зрения британского офицера на политику и отношения вовлеченных в конфликт стран, впоследствии создавших условия для новой мировой войны.

Содержание

Предисловие	8
Глава 1	12
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Джон Уорд
Британская военная
экспедиция в Сибирь.
Воспоминания командира
батальона «Несгибаемых»,
отправленного в поддержку
Колчака. 1918–1919

Моим товарищам и солдатам 18-го, 19-го и 25-го батальонов Миддлсекского полка. Тем, кто на суше, на море, под солнцем и под снегом достойно поддерживал традиции доблести и чести своей страны

John Ward
WITH THE «DIE-HARDS»
IN SIBERIA

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф»,
2020

Предисловие

Первоначально этот рассказ о событиях, связанных с экспедицией в Сибирь, был написан для моих сыновей на случай, если я не вернусь. Я описал все, как было, называя причины и мотивы, двигавшие участниками тех событий. С тех пор произошло много такого, что показало наши просчеты относительно сил, действовавших вокруг нас. Было бы сравнительно просто изменить текст, приведя его в соответствие с результатом, но это лишило бы рассказ его основной ценности.

Государственные деятели и солдаты редко пишут историю, их несчастье состоит в том, что они ее создают. Очень легко быть провидцем, когда знаешь результат. Как правило, ты можешь лишь предполагать, каким образом определенная группа людей поведет себя при определенных обстоятельствах. Но когда имеешь дело с политикой государства, на которую могут влиять события и обстоятельства, прямо не относящиеся к основному вопросу, невозможно дать какой-либо прогноз даже в самом элементарном аспекте.

Трагические события, разыгравшиеся на огромных просторах Сибири, являются тому подтверждением. Очевидно, что адмирал Колчак никогда не отправился бы в Сибирь и не стал бы главой конституционного движения и правительства России, если бы не советы и даже настоятельные призывы

союзников. Прежде чем он согласился взять на себя рискованные обязанности главы Омского правительства, ему были даны самые категорические обещания искренней поддержки и скорого признания. Если бы эти обещания были исполнены, в Москве вскоре заседала бы Конституционная ассамблея, утверждая детали федеральной конституции могучей Русской республики, или парламентской системы, схожей с нашей собственной.

После объявления о создании правительства Колчака генерал Деникин, генерал Дутов, генерал Хорват и правительства Северной России передали свои полномочия Омску. Все сразу стало ясно: в Москве террористы, в Омске конституционалисты. Если бы на этом этапе союзники претворили свои обещания в действие, от каких неопишуемых страданий могла бы спастись и Россия, и Европа!

Даже простой акт признания мог бы произвести впечатляющее действие на русское сознание, помимо того, что дал бы союзникам рычаг, с помощью которого они могли бы направлять ход событий и стабилизировать Балтику. Это обеспечило бы безопасность русских финансов и позволило наладить торговые связи с богатейшей частью русских владений.

Восстановление России, о котором так много говорили союзники, могло бы пойти естественным путем, даже невзирая на неумелые действия самих союзников. Омское правительство могло бы получить деньги на более выгодных услови-

ях, чем любой из союзников, потому что, будучи признанным сообществом наций, оно могло обеспечить большую безопасность, чем любой из них, включая Америку. Европа была бы накормлена, Россия была бы одета, и мир был бы спасен от величайших трагедий. Все это стало бы естественным следствием элементарного выполнения данных обещаний.

Мы не просто не сделали этого, все гораздо хуже. Нарушение обещаний всего лишь отвратительное преступление. Союзники пошли на другую крайность: их помощь обернулась очевидным умышленным противодействием. Японцы поддержали Семенова и Калмыкова, а американцы стали защищать и организовывать врагов, делая совершенно невозможным сохранение власти и само существование Омского правительства. Самое большее, чего можно было бы ожидать, что и те и другие вовремя увидят опасность своей политики и предотвратят катастрофу. Одни это сделали, другие довели до того, что порожденное ими зло вышло из-под контроля. Колчак был разгромлен не столько из-за действий своих врагов, сколько по причине глупости и пренебрежения со стороны своих друзей союзников.

Когда большевизм мутным потоком пронесся по Сибири, мы снова слышали вопрос: «Как им удалось сделать это, если только за ними не стояло большинство населения?» На это я отвечаю вопросом: «А как единоличное правление могло просуществовать в России от Ивана Грозного до Нико-

лая II?» Обе системы – это автократия, обе осуществляются одним и тем же способом – террором. Однако есть разница. Автократия царей была естественным продуктом ранних форм существования человеческого общества. Автократия большевиков – продукт неестественный и потому несет в себе семена саморазрушения.

Глава 1

Из Гонконга в Сибирь

К чести 25-го батальона Миддлсекского полка замечу, что к тому времени он уже совершил рекордное число путешествий и накопил незаурядный опыт. Поэтому для меня не было ничего удивительного в том, что однажды утром 1917 года я был вызван в штаб-квартиру в Гонконге и получил предписание подготовить свой батальон к отплытию в каком-то неизвестном направлении. Позже на совещании глав департаментов под председательством командующего генерал-майора Ф. Вентриса выяснилось, что батальону предстоит действовать в очень холодном климате, и в тот же день, во время второго завтрака в Гонконгском клубе, один из заведующих просто спросил меня: «Когда вы отплываете во Владивосток?»

Когда сборы были практически закончены, из военного ведомства в Лондоне пришел приказ, за которым последовала телеграмма (приблизительно в январе 1918 года), отменить все приказы, связанные с предполагаемой экспедицией. Итак, мы снова спокойно обосновались в своем дальневосточном доме, ожидая окончания войны, когда надеялись вернуться в свою старую добрую страну и зажечь обычной жизнью ее граждан.

Так продолжалось до июня 1918 года, когда нас внезапно взбудоражил приказ поднять половину батальона, базировавшуюся в Сингапуре, с тем чтобы они сели на первый подходящий корабль и присоединились к нам в Гонконге. Это позволяло предположить, что в рамках того поистине удивительного явления, которое называлось «союзной дипломатией», наконец решили что-то предпринять. После большого переполоха и никому не нужной суеты в одну из суббот июля 1918 года батальон в полном составе погрузился на борт «Пинг Сюи».

Стоит напомнить, что мои люди были гарнизонными солдатами – что называется «категория Б» – и их экипировка соответствовала предполагаемым обязанностям. Кроме того, после нашего прибытия в Гонконг штаб-квартира затребовала себе большую часть нашего военного имущества, чтобы пополнить свои истощающиеся запасы в этой самой удаленной точке Британской империи. Нам удалось собрать совсем мало информации о том, какого рода обязанности мы будем призваны исполнять, а невежество штабных по поводу природных особенностей страны, где нам придется действовать, оказалось просто запредельным. Вдобавок к этому снаряжение, которым нас снабдили, по большей части оказалось для нас совершенно бесполезным. Те вещи, которые мы собрали после получения первого приказа в 1917 году, были рассредоточены по другим частям, а попытка в короткий срок собрать новые столкнулась с непреодолимыми трудностями.

Плавание не отличалось ничем примечательным, если не считать одного тайфуна, прошедшего мимо нас на расстоянии не более десяти миль за кормой, и другого, вдоль которого мы шли восемнадцать миль, а также сильного шторма, прошедшего нам наперерез и заставившего корабль пугающим образом вращаться. Солдатам пришлось несладко, и они были рады, когда увидели берега Кореи и спокойные воды Японского моря.

В Гонконге многие, включая меня, сильно страдали от потницы, во многих случаях перераставшей в огромные горячие нарывы. Удивительно, как быстро эти вздутия стали проходить сами собой, как только мы оказались в прохладной чистой атмосфере побережья Японии.

Поскольку мы были первым контингентом союзных войск, прибывшим во Владивосток, к нашему прибытию тщательно подготовились. От маяка нас должны были сопровождать два японских эсминца, однако они так увлеклись изучением особенностей побережья, которые можно было бы использовать в будущем, что даже не вспомнили про нас, пока мы не вошли во внутреннюю гавань, где они как ни в чем не бывало спросили, кто мы и зачем прибыли. На следующий день, 3 августа, рано утром они вспомнили о том, что им было приказано, и сопроводили нас до причала мимо красиво украшенных по такому случаю военных кораблей стран-союзниц.

В 10 утра, чтобы встретить меня, на набережной собра-

лись батальон чешских войск с оркестром, почетный караул с английского военного корабля «Саффолк» и его капитан контр-адмирал Р.Н. Пейн, британский консул мистер Ходжсон, председатель Земской управы, а также русские и союзные представители. Когда я спускался по трапу, чешский оркестр заиграл наш государственный гимн, и младший офицер на «Саффолке» поднял Юнион Джек, в то время как на набережной появились другие военные части, салютуя нам в знак приветствия. Вся сцена получилась красивой, интересной и весьма впечатляющей. Батальон сразу же сошел на берег и вслед за чешским оркестром в сопровождении наших доблестных моряков с «Саффолка» и огромной толпы людей прошел через весь город к месту парада напротив чешской штаб-квартиры, где были выстроены чешские, казачьи и русские войска, японские, американские и русские моряки, которые все (за исключением японских) подошли туда одновременно с нами. Контр-адмирал Пейн отдал честь командующим союзников, присутствовавшим здесь в полном составе.

Наши казармы находились за городом, в Гнилом углу. Они были очень грязными, с туалетными приспособлениями самого примитивного типа, хотя мне кажется, что местные британские власти потратили и время, и деньги, чтобы привести их в состояние, пригодное для жилья. Помещения для офицеров были не лучше: мне с моим штабом пришлось спать на очень грязном вонючем полу. Однако вскоре для

старого усталого солдата и это показалось наслаждением.

Я принял участие в совещании Совета союзных командующих 5 августа. На этой встрече обсуждались многие вопросы высокой политики, но одна тема вызывала особенно пристальный интерес. Генерал Ди-терихс, командовавший чешскими войсками, представил доклад о военном положении на маньчжурском и уссурийском фронтах. Если ситуацию на маньчжурском фронте трудно было назвать хорошей, то положение дел на уссурийском фронте нельзя было описать иначе, чем критическое. И если помощь не будет оказана немедленно, командующий будет вынужден отступить, поскольку с такими малыми силами удержание любой позиции стоило ему огромного труда. Силы, сосредоточенные на уссурийском фронте, составляли 3 тысячи плохо вооруженных чехов и казаков. Бой, имевший место в тот день, когда я сошел с корабля, показал масштаб катастрофы и закончился поспешным отступлением на 12 миль в сторону разъезда Краевского. Силы союзников, теперь сократившиеся до 2 тысяч человек, не могли надеяться надолго сдержать объединенные войска большевиков, немцев и венгров, численностью от 18 до 20 тысяч человек. Большевицкий способ военной организации под названием «военные комитеты», определявший, какие приказы высшего командования выполнять, а какие отвергнуть, был упразднен и заменен дисциплиной немецких и австрийских офицеров, которые теперь взяли командование на себя. Дальнейшее отступление

уссурийских отрядов повлекло бы за собой большие потери, как человеческие, так и материальные. Очередную позицию можно было бы расположить за Спасским, под защитой озера Ханка слева и леса справа. Если бы и ее не удалось удержать, то под угрозой оказался бы железнодорожный узел в Никольске, и возникала вероятность разрыва железнодорожного сообщения с силами, действовавшими вдоль Забайкальской железной дороги и в Иркутске. При таких обстоятельствах Совет решил, что ему не остается ничего иного, как просить представителей нашего военного ведомства незамедлительно отправить мой батальон на уссурийский фронт для оказания ему возможной помощи. Я, естественно, заметил, что мой батальон принадлежит к гарнизонным войскам и большая часть моих людей уже выполнила свой долг на других фронтах. К тому же несколькими неделями раньше, когда у меня было 250 солдат общей службы, волею верховного командования в Сингапуре их у меня забрали и распределили по другим частям для несения гарнизонной службы в Индии. Сначала я протестовал, но из Лондона меня осадили, так что теперь моя команда состояла из людей самой низкой категории. Тем не менее, сделав такое заявление, я сообщил Совету, что ввиду отчаянного положения, сложившегося на уссурийском фронте, я сделаю все, что в моих силах.

Около двух часов пополудни ко мне на квартиру пришел контр-адмирал Пейн, он показал расшифровку теле-

граммы, которую получил из военного ведомства. Телеграмма предоставляла старшему офицеру право принять решение о немедленной отправке половины моего батальона на фронт. По моему мнению, они могли бы набраться смелости и решить вопрос самостоятельно, не перекладывая это на плечи местного командующего. Однако, раз уж это легло на меня, я тут же отдал необходимые распоряжения. Той же ночью, 5 августа, мой отряд походным маршем прошел по Владивостоку на железнодорожный вокзал. Он состоял из 500 полностью экипированных пехотинцев и пулеметной команды из сорока трех человек с четырьмя тяжелыми пулеметами типа «Максим». Оставив своего заместителя майора Ф.Дж. Брауни ответственным за базу, я с полной выкладкой шагал со своими людьми. Четыре мили по разбитым грязным дорогам мы преодолели довольно быстро, однако многие очень устали, и под конец марша я обнаружил, что несу четыре винтовки, а другие офицеры помимо своих вещмешков несут чьи-то еще.

Поезд состоял из обычных безнадёжного вида русских вагонов для скота, предназначавшихся для солдат и снабженных дощатыми полками для отдыха и сна. Командующему и его штабу был предоставлен грязный вагон второго класса, а хорошо освещенный вагон первого класса с восемью купе занял британский военный представитель, который ехал просто посмотреть достопримечательности. Добравшись на фронт, я обнаружил, что в распоряжении каждого младше-

го офицера, командующего дюжиной казаков, имеется вагон первого класса. Тем не менее я гордо поднял Юнион Джек над самым грязным и ветхим вагоном второго класса на линии, чтобы обозначить британскую штаб-квартиру. Впрочем, мы приехали по делу, а не ради удовольствия.

Еще до отъезда из Владивостока мне объяснили, что Никольск – узел, где встречались Маньчжурская и Центрально-Сибирская железные дороги, – был самой важной стратегической точкой южно-сибирского участка дороги. Поэтому, хотя позиция в районе Уссурийска выглядела почти безнадежной, и отступление могло произойти в любой момент, мы ни при каких обстоятельствах не должны были отойти дальше Никольска. Место, куда мы предполагали отойти, чтобы закрепиться на новой позиции, уже определили. Это была линия железной дороги сразу же за Спасским между озером Ханка слева и грядой лесистых холмов справа.

В Никольск мы прибыли ранним утром, но на платформе уже толпились два почетных караула: чешский и казачий с оркестром, который по ошибке вместо нашего гимна сыграл «Правь, Британия!». Меня представили всем офицерам, британскому вице-консулу мистеру Лидвардсу и его энергичной жене. Местные части устроили завтрак для солдат, а я со своими офицерами воспользовался гостеприимством консула и миссис Лидвардс. Затем последовал марш через город, чтобы показать жителям, что долгожданная помощь союзников наконец-то прибыла.

Судя по всему, несколько месяцев назад в этих местах побывал какой-то чрезвычайно бодрый французский офицер, раздававший щедрые обещания союзнической помощи, что по времени, возможно, совпадало с первыми приказами, полученными мной в Гонконге в конце 1917 года. Гораздо раньше союзники приняли решение восстановить русский фронт против своих врагов немцев, однако, как и все усилия союзников, их реальные действия были сорваны несогласованностью и глупым межгосударственным соперничеством.

И только угроза со стороны Фалькенгейна с его огромной армией в полмиллиона человек, которая, воодушевившись легкой победой над Румынией, оказалась свободна для переброски на французский фронт, заставила их спешно осуществить нашу запоздалую экспедицию в Сибирь. Если бы это было сделано своевременно, русские люди и войска не оказались бы так деморализованы и разочарованы, какими я застал их, когда приехал, и миллионы жизни были бы спасены от неисчислимых страданий. Один известный политик, который однажды сурово укорял своих коллег за их фатальную политику бездействия до тех пор, пока не стало слишком поздно, в этом случае сам оказался объектом подобной критики.

Незадолго до этого в Никольске состоялся тяжелый бой между чехами и террористами, и нам показали серию фотографий страшно изуродованных чешских солдат, попавших к большевикам в качестве военнопленных.

На многих других станциях по пути к Свягино – последнему по-настоящему большому городу перед разъездом Краевским, нас ждал такой же радушный прием. В Краевском, где, кроме станции, до которой почти добивала артиллерия, практически ничего не было, нас встретили по полной программе: с чешским оркестром, коротким парадом чешских и казачьих частей и речами русского и британского командующих. Моя речь соответствовала полученным мною предписаниям и в основном сводилась к следующему. Мы, британцы, пришли на территорию святой Руси не как завоеватели, а как друзья. Большевицкая власть заключила безнравственный и бесчестный союз со своими германскими хозяевами, согласно которому территория их родины, России, растерзана, а ее народ несет тяжелые потери. Под давлением немцев большевицкие Советы выпустили и вооружили немецких и австрийских военнопленных и с помощью этой иностранной силы терроризируют русских людей и разрушают страну. Союзники видят в большевицкой власти не более чем наймита автократической германской военщины и, как таковую, считают ее врагом британской и русской демократии. Мы пришли, чтобы помочь, воскресить и восстановить нормальные элементы русской жизни, и пообещали, что, если русские присоединятся к нам в этом крестовом походе, мы не остановимся, пока оба наших врага не будут повержены. Здесь и сейчас солдаты двух наций заключают свой пакт, и, хотя это не официальное соглашение, оно санкциониро-

вано официально. Потом мои части ушли на свои квартиры в Спасском, которое я сделал своей передовой базой.

На следующее утро, 7 августа, я со своим переводчиком, лейтенантом Болсааром, посетил Краевский и имел продолжительную беседу с командующим фронтом капитаном Померанцевым. Я лично осмотрел линию фронта до самых аванпостов, и в конце концов было решено послать 243 человека с четырьмя «максимами» занять позицию в том месте, которое я считал самой угрожаемой частью нашего правого фланга. Поскольку я был старшим по званию, капитан Померанцев передал командование мне, пообещав всяческую поддержку.

Сев в седло, я сразу же запросил данные разведки по всем направлениям и обнаружил, что враг не может предпринять лобовую атаку в узком пространстве железной дороги, окруженном с обеих сторон непроходимыми болотами. Своим центром противник сделал Шмаковку, из которой были вынуждены отступить чехи, однако в тот день разведка наблюдала передвижение отряда численностью около 180 человек с тремя пулеметами по дороге в сторону Успенки – маленького поселка, расположенного в крайне правой части фронта. После консультации с чешским командующим, капитаном Стефаном, и атаманом Калмыковым, командовавшим казаками, я решил предпринять необходимые шаги для уничтожения этого новоявленного аванпоста. Тем утром атаман Калмыков объявил мне о своем намерении покинуть мой

фронт и, сделав большой крюк справа за холмами, присоединиться к своим друзьям казакам в Имане. Я выяснил, что он был не удовлетворен недостаточной активностью на этом фронте, поэтому решил совершить самостоятельный рейд по вражеским тылам. Но в тот момент, когда я заявил о своем намерении зачистить Успенку, он немедленно забыл о своем дурном настроении и захотел в этом участвовать. Калмыков занял позицию у Ольховки и на следующий день, проведя рекогносцировку позиций в Успенке, раскрыл боевые порядки большевиков ценой потери двух лошадей и одного казака, который был тяжело ранен. На основе его наблюдений я наметил план.

План состоял в том, чтобы одна рота чешских войск начала наступление из Комаровки в сторону Ольховки, позиция атамана будет моим аванпостом справа, где он должен подготовить небольшой укрепленный лагерь. А я в первую же ночь выступлю с 200 пехотинцами и двумя пулеметами из Краевского в сторону Комаровки.

На следующий день я приказал двумстам солдатам прибыть поездом из Спасского в Краевский, чтобы быть в резерве. Ночью они должны были прийти в Комаровку и занять место моих передовых частей, которые за ночь дойдут до Ольховки, где соединятся с отрядами казаков и чехов. Я пойду с передовым отрядом и при свете дня осмотрю позиции, которые предстоит атаковать, а ночью соединюсь со своим вторым отрядом из Комаровки. В результате у меня бу-

дет 400 британских стрелков, пулеметная команда из 43 человек с четырьмя «максимами», отряд чешских пехотинцев численностью около 200 человек и последнее – но далеко не маловажное – отряд атамана Калмыкова с 400 конными казаками. Итого около 1000 человек. Я приказал организовать ночное патрулирование и дневное наблюдение за двумя дорогами, по которым к позициям противника могло подойти подкрепление.

Я написал план атаки, и первая стадия операции уже была фактически осуществлена, когда меня остановило поспешное вмешательство сверху.

В моем батальоне не было лингвиста, достаточно хорошо говорившего по-русски, так что мне пришлось прибегнуть к услугам агента британского военного представителя во «Влади». Этот агент отправился прямо во «Влади», чтобы сообщить, что вся необходимая для атаки подготовка завершена. Мне следовало заставить его остаться со мной, но он казался мне сторонником предлагаемого наступления, и я не чувствовал никакой опасности для своей чисто оборонительной политики. Он не стал ждать, пока о нем сообщат военному представителю, и, не проехав даже полпути, телеграфировал мне из Никольска, предупреждая, что, по его мнению, это наступление не должно иметь места, поскольку он получил важную информацию, которая меняет всю ситуацию. Я проигнорировал вмешательство этого мелкого чиновника, но спустя несколько часов получил от нашего по-

литического представителя вполне определенные предписания, состоявшие в том, что я должен придерживаться чисто оборонительных действий и не двигаться ни на дюйм вперед со своей позиции. Я был вынужден выполнять предписание, хотя это решение вызывало у меня отвращение. Оно открыло мне то, чего я не понимал прежде: до какой степени невозможно, чтобы человек, находящийся далеко от театра военных действий, каким бы умным он ни был, мог принимать решение относительно локальных военных действий, не имеющих никакого отношения, как в данном случае, к вопросам публичной политики. Когда цель военного отряда состоит в защите и поддержании фронта небольшой протяженности, только человек, находящийся на месте, может судить, что необходимо предпринять для достижения этой цели.

На самом деле мой план был очень прост. Сосредоточив свои силы в Ольховке, я бы в сумерках послал кавалерию занять дороги, ведущие из Шмаковки в Успенку и из Успенки в монастырь, таким образом лишив подкрепления врага возможности дойти до позиции, которую нам предстояло атаковать под покровом ночи. Мои собственные войска совместно с чешским отрядом подошли бы к этой позиции с юга и в темноте захватили железнодорожную линию в пределах ружейного и пулеметного выстрела. В то время как пехота, быстро наступавшая с юга, и казаки обошли бы ее с тыла. Результат был бы обеспечен с той долей уверенности, кото-

рая только возможна на войне, и поскольку я встретился бы с большевиками в открытом бою, уверен, что это небольшое усилие оказало бы решающее военное и политическое влияние на ситуацию в Восточной Сибири. Но «политики» в военной форме не всегда отмечены смелостью, а в данном случае определенно оказались очень робкими, из-за чего наше положение ухудшалось день ото дня.

В рамках полученных мною осторожных предписаний я выбрал наилучшую диспозицию, и вскоре каждый солдат, будь то британец, чех или казак, исполнился решимости любой ценой сдержать продвижение врага на восток. Но все слова и цифры, которые я приводил, чтобы их поддержать, ничего не значили по сравнению с потрепанным, грязным Юнион Джеком, развевавшимся над моим штабом, и песнями наших солдат, звучащими вечерами вокруг костров. Вместе два эти фактора меняли всю атмосферу, окружавшую недоедавших и плохо одетых доблестных чешских бойцов.

На следующий день после той ночи, которую я назначил для уничтожения вражеского аванпоста, два отряда вражеской пехоты с тремя пулеметами выступили из Шмаковки для укрепления его ненадежной позиции. Я наблюдал в бинокль их медленное движение по пыльной дороге. Я понял намерения врага, но знал, что бессилён помешать им. Он быстро установил на позиции пулеметы и уже на следующий день произвел пробные выстрелы по позиции Калмы-

кова в Ольховке, а пристрелявшись, прекратил огонь. Около 11 вечера вспышки выстрелов наблюдались на нашем правом фланге. В 12:30 полевой телефон сообщил мне, что чешский отряд, который я послал вперед вместе с казаками Калмыкова, был обстрелян на своих позициях в Ольховке и теперь отступал по дорогам на Комаровку и Руновку. Пренебрегая полученным из «Влади» предписанием не двигаться, я выступил со своим отрядом вперед, чтобы занять позицию там, где я смог бы защитить мосты и прикрыть отступление наших друзей. Если бы я не выполнил этот простой солдатский долг, мы поставили бы себя в глупое положение в глазах наших русских и чешских товарищей. И хотя я действовал вразрез с приказами, думаю, что обстоятельства меня полностью оправдывают.

Чешский отряд благополучно отступил за реку Комаровка, а казаки Калмыкова заняли новую позицию у Руновки, где они могли по-прежнему держать врага на мушке и установить постоянное наблюдение за его передвижениями. Я отступил и встал лагерем за «смотровым холмом» среди кустов и болотной травы и в течение двух недель вел постоянную войну с зараженной водой и миллионами москитов, не имея ни транспорта, ни палаток, ни сеток, – ничего из обычного снаряжения, необходимого для подобной экспедиции. Признаюсь, что мое незнание условий, с которыми мне предстояло встретиться в Сибири, было колоссальным, но то же самое можно сказать и о тех, в чьи обязанности входило зна-

комство с ситуацией.

В Гонконге я предположил, что нам могут понадобиться палатки, но мою просьбу отклонили, то ли потому, что не было палаток, то ли потому, что их сочли ненужными. Я робко спросил, нельзя ли получить москитные сетки, и очень хорошо помню презрительное выражение, с которым встретил мой вопрос начальник штаба. «Разве кто-нибудь слышал о москитах в Сибири?» Что ж, то, что они встречаются в тропиках, – факт, но по всей Сибири эти насекомые летают тучами. В тропиках они, благодаря своему размеру, не могут причинить большого вреда, если только не являются переносчиками малярии. В Сибири они имеют вид больших отвратительных крылатых пауков, которые будут сосать у вас кровь через толстую ткань с такой легкостью, словно на вас вообще нет одежды. Они обладают способностью заползать к вам в волосы под шляпой и оставлять по всей голове вспухшие полосы, пока боль не станет такой, что невозможно носить какой бы то ни было головной убор. В моем случае от укусов так распухли запястья, что по размеру они сравнялись с ладонями, а после сна невозможно было открыть глаза. Отсутствие какой-либо защиты лишало людей покоя и выматывало нервы, поэтому поиск большевицких укрытий был воспринят как желанная возможность отвлечься.

Я ни в чем не виню свое начальство. Мой батальон был полностью экипирован, как полагается для несения гарнизонной службы, и как таковой отправлен во Владивосток.

Меня посылали выполнять определенные обязанности, но по прибытии сразу же отправили выполнять обязанности совсем другого рода. Мне пришлось нести службу на передовой с личным составом и экипировкой второсортных гарнизонных войск. Не знаю, понимали ли те, кто отдавал приказы в Лондоне, природу и характер службы, которую мне предстояло нести, но очевидно, что опасно посылать любые британские войска на линию реальных военных действий и ждать, что они будут равнодушно наблюдать за тем, как сражаются их друзья. Их надо либо держать в стороне, либо посылать готовыми к любой неожиданности.

Глава 2

Успехи большевиков

Теперь попытка противника обойти нас с фланга, которую я предвидел с первого дня, когда принял командование, и которой планировал противостоять, осуществлялась полным ходом. Но до сих пор нашей основной позиции не было причинено никакого вреда.

Приехавший на фронт генерал Дитерихс сообщил, что Союзный совет решил передать командование этим фронтом майору Пишону из французского отряда. Тот должен был приехать на следующий день. Лично проинспектировав мою диспозицию, генерал выразил свое удовлетворение и предположил, что мне следует остаться командующим и что он проследит, чтобы назначение майора Пишона было пересмотрено ввиду обнаруженных им изменившихся обстоятельств. Но я понимал, что пересмотр решения Союзного совета мог задеть французское самолюбие и поставить и совет, и командующего в неловкое положение. Поэтому я попросил генерала Дитерихса не предпринимать никаких шагов к пересмотру решения Союзного совета и заявил, что буду рад служить под командованием майора Пишона или любого другого командующего, которого назначит совет. Я добавил, что британский престиж слишком высок и недостижим

для таких мелочей, тем более что цель нашего присутствия – это оказание помощи нашим чешским и русским друзьям. Однако он заметил, что невозможно, чтобы британский полковник служил под началом французского майора, и что мое командование британскими частями должно рассматриваться как совершенно независимое.

Майор Пишон прибыл 18 августа 1918 года, и я формально передал командование ему. Он попросил меня считать, что мы будем совместно нести ответственность за операции на этом фронте, и сказал, что время от времени мы будем проводить консультации в отношении любых операций, которые могут понадобиться. Я нашел, что он вежлив, рассудителен и очень обеспокоен тем, чтобы удовлетворить пожелания всех частей под его командованием. Иными словами, он был джентльменом, с которым было приятно познакомиться и работать совместно. Его батальонный командир, майор Молли, был так же хорошо воспитан, и я думаю, вместе мы составляли очень удачную комбинацию.

Выдающейся личностью на этом фронте был капитан Стефан, командовавший 8-м чешским батальоном. Бывший пражский пивовар, с началом войны он был вынужден вступить в австрийскую армию. Выполняя долг солдата этой одряхлевшей монархии, он попал в плен к русским и в качестве военнопленного был освобожден революцией. Стефан стал одним из тех, кто объединил своих товарищей-пленных и предложил их услуги Франции и ее союзникам, веря, что

успех английского оружия приведет к освобождению его любимой Богемии. Я спросил его, почему он предложил свои услуги Франции, и его ответ, как и ответ его соплеменников, был таким: «Мы смотрим на великую Англию как на своего спасителя, но немецкая армия воюет во Франции, и целью любого чешского солдата есть и всегда будет встреча с врагом на поле брани. Потому что, если Англия говорит, что мы – нация, мы знаем, что станем ею».

Должен сказать, что я чувствовал себя польщенным той почти детской верой, с которой поляки, чехи и русские относились к имени и чести Англии. Мы, несомненно, были на этом фронте, да и вообще в Сибири единственной нацией, в отношении которой не было сказано ни единого слова подозрения. Я, естественно, ожидал, что престиж Франции, учитывая ее довоенный союз с Россией, будет очень высок. Но при ближайшем знакомстве со всеми слоями русского общества, полагаю, практически невозможно сказать, кто вызывал в русском сознании наибольшие подозрения, Франция, Америка или Япония. Правда, поведение французских солдат и галантность французских офицеров могли многое сделать для создания у русских более теплого отношения к Франции. В то же время присутствие солдат Страны восходящего солнца, а также манеры и поведение ее офицеров в отношении населения Сибири, если бы остались без изменения, определенно привели бы к превращению страха перед ними во всеобщую ненависть.

В вечер прибытия майора Пишона существенные перемещения вражеских сил на нашем правом фланге заставили его проехать по моим позициям, где он был официально представлен офицерам и солдатам, служившим под моим началом. Позже он сообщил мне, что не считает эти перемещения достаточно серьезными, чтобы вносить изменения в нашу диспозицию. Ближе к сумеркам прискакал капитан Стефан в сопровождении своего адъютанта и сообщил о значительных перемещениях сил противника в сторону Руновки, где оставалась единственная из наших позиций на другом берегу реки – естественной защиты и границы нашего левого фланга. Меня снова попросили выдвинуться вперед, чтобы оказать помощь, которая может понадобиться в случае, если наш правый фланг будет вынужден отступить на другую сторону реки. В темноте мы двинулись вперед по дороге, освещаемой вспышками большевицких выстрелов. Но их внимание было полностью поглощено нашим аванпостом в Руновке, поэтому мы были в безопасности, как если бы гуляли в Гайд-парке. Чехи при ведении оборонительных действий имели фатальное пристрастие к лесам, поэтому предложили мне занять позицию в лесу слева от дороги. Я отверг их план и выбрал позицию в 200 ярдах впереди леса, в месте пересечения дорог, где в земле была впадина, а высокая болотная трава почти полностью скрывала нас от вражеского наблюдательного пункта. Как только мы начали окапываться, нас снова атаковали миллионы комаров, от которых у нас

не было никакой защиты, но все солдаты и офицеры работали с полной отдачей, и к рассвету мы почти завершили, пожалуй, лучшую фортификационную систему на этом фронте. Как же нам хотелось посмотреть, как враг пойдет вперед через реку и попытается развернуться в пределах досягаемости наших винтовок! Однако он мощным артиллерийским огнем отбросил оставшийся чешский отряд за реку и, таким образом, стал полным хозяином положения на другом берегу.

Тут нам представился второй шанс предотвратить попытку противника обойти все наши позиции с фланга. Внезапный бросок вдоль изгиба реки у северо-восточного края Комаровки и нападение на незащищенную железнодорожную линию, по которой передвигался враг, могло бы полностью расстроить его планы и привести к его решительному отступлению. Я даже предлагал это сделать, но должен признаться, что уже дважды шел вперед вразрез с приказами, и если не хотел рисковать, что попаду под трибунал или буду уволен, то не мог участвовать в этой атаке, хотя при необходимости мог бы прийти на помощь. Другим командирам ситуация показалась слишком неоднозначной, так что возможность была упущена.

Вскоре после этого я встретил старого бродягу с мешком и передал его своему офицеру связи. Мы не могли задержать его, поскольку у него уже были чешский и французский паспорта, но позже я пожалел, что не пробил его бума-

ги пулей, когда они лежали в его нагрудном кармане. Он шел вдоль дороги, и мои караульные не дали ему подойти к окопам, но он видел, как мои солдаты рассредоточивались по лесу, и с приходом дня вражеская артиллерия начала обильно поливать лес шрапнелью и снарядами. Во время завтрака один снаряд упал в 20 ярдах от меня и моих офицеров и, разорвавшись прямо под деревом, поднял его в воздух самым удивительным образом. Количество снарядов – некоторые были немецкого производства, – которое противник потратил на лес, указывало на большие запасы боеприпасов. Нам нечем было ответить на этот настойчивый обстрел, но в конце концов огонь прекратился, видимо просто от усталости. С наступлением темноты огонь начался снова, и слабый ответ трех небольших горных пушек, которые, как мы знали, были в распоряжении казачьего аванпоста в Руновке, указывал на то, что атака развивалась в том направлении.

Этот неравный поединок продолжался с перерывами до двух часов ночи, когда по полевому телефону мне сообщили, что Руновку пришлось оставить, что чешский отряд отступает через наш фронт и что казаки Калмыкова отступают вниз по реке, чтобы занять позицию в Антоновке – крайне правой точке нашего тыла. Это означало, что все наши оборонительные позиции полностью свернуты, и после очередного перехода противник окажется рядом с железнодорожной линией, по которой осуществлялись наши коммуникации.

Однако это была не единственная наша проблема. До позавчерашнего дня мы имели возможность время от времени отвечать выстрелами на ту пальбу, что была направлена на нас, но потом большевицкие артиллеристы поразили две пушки, чьей обязанностью было не допустить наступления противника вдоль железной дороги, и, чтобы закрыть эту брешь, у нас забрали единственные два полевых орудия, оставив пехоту совсем без защиты артиллерии. Я отправил каблогранму во Владивосток контр-адмиралу Пейну, командовавшему военным кораблем «Саффолк», сообщив ему о нашем критическом положении, и попросил прислать все возможное артиллерийское подкрепление. Контр-адмирал действовал быстро, как принято на флоте. В невероятно короткий срок он снарядил бронепоезд с двумя 12-футовыми корабельными пушками и двумя пулеметами и отправил его с курьерской скоростью на помощь мне. За ним следовал другой такой же поезд. Обоими командовал капитан Бат. Трудно описать чувство облегчения, с которым наши усталые и ослабевшие солдаты встретили такую своевременную помощь нашего флота. Это позволило нам поставить на позицию два чешских орудия, чтобы подавить огонь противника, и дало ощущение защищенности с тыла на случай, если мы будем вынуждены отступить. Это воодушевило людей, хотя они и без того не выказывали ни малейшего признака подавленности, несмотря на многочисленные неудобства. Британский солдат определенно способен проявлять

непоколебимую твердость в самых неблагоприятных ситуациях.

Не заставив себя долго ждать, большевицкие главари раскрыли карты. В течение следующего дня они хранили молчание, но ночью начали обстреливать нас со своей новой позиции в Руновке, выбрав в качестве места для двух своих батарей холм, где стояла православная церковь, и используя ее колокольню в качестве наблюдательного пункта.

Около 9:30 утра из Шмаковки медленно двинулся вперед бронепоезд противника, за которым следовали четыре других, из которых велся боковой огонь по моей позиции. Все их снаряды шлепались в болото, недолетая ярдов 400, что доставляло солдатам массу удовольствия и вызывало много ехидных комментариев на кокни. Затем появился поезд с солдатами, вселяя большие надежды, что настоящая атака состоится на нашем участке фронта, но наши 12-футовые орудия с бронепоезда начали активную работу, и после попадания в передовой локомотив противника из него во все стороны повалил пар, вызвавший страшный переполох среди паровозной бригады. Флотские канониры, похоже, были не склонны упускать цель, так что наступление захлебнулось, и поезда двинулись назад в укрытие.

Два старых чешских полевых орудия, восстановленные во Владивостоке умельцами с «Саффолка», выкатились на позицию позади углубления в земле и справа сзади нас и начали поединок с двумя вражескими батареями в Рунов-

ке. Дуэль получилась исключительно увлекательной. Вражеская артиллерия в попытке нащупать наш лес и укрепления обильно засыпала шрапнелью полосу деревьев, занятую французами, но врагу не удавалось ни засечь наши орудия, ни приблизиться к ним, ни даже случайно попасть в человека или в лошадь. Ночью какой-то мужик выдал расположение орудий, и рано утром одно из них вывели из строя. Оставшееся орудие сменило позицию, и дуэль стала еще более интересной. Благодаря искусному маневру орудие удалось переместить гораздо ближе, так что диапазон обстрела оказался таким, как надо. Снаряды падали так близко к цели, что воодушевление пехоты переросло в лихорадочный жар, и наконец очередной снаряд попал точно в наблюдательную башню врага, от чего она загорелась и выгорела дотла. Поместив четыре снаряда под рукой и действуя как троянцы, чешские артиллеристы дали четыре залпа так быстро, что у врага создалось впечатление, будто теперь против него работают четыре орудия. После двух часов непрерывного обстрела их батареи оказались так измотаны в неравной схватке, что отступили с двумя орудиями, выведенными из строя. Это была просто великолепная демонстрация по-настоящему эффективной стрельбы. Нет сомнений, что враг намеревался предпринять попытку перейти реку у Руновки, и артиллерия была установлена так, чтобы прикрывать эту переправу. Благодаря выбранной стратегии молодой чешский лейтенант-артиллерист, имевший всего одно полевое орудие, сорвал пла-

ны вражеского командования. Никогда еще хитрость не срабатывала так успешно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.